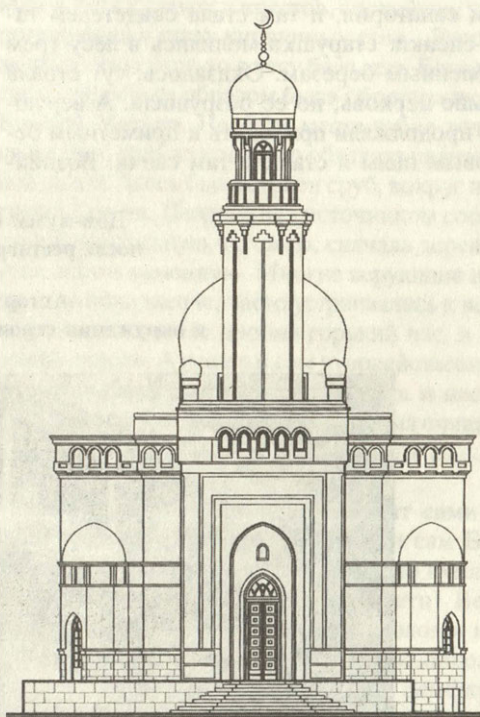

“Романс о минаретах”

Тамара Рыбченко

В народе подмечено: любая профессия накладывает отпечаток на характер человека. А стало быть, и наоборот. Земфира Хатмуллина привнесла свой неумный характер в профессию архитектора-реставратора. В годы юности мечтала быть модельером – учиться у Зайцева. Когда поступала на архитектурный факультет, ей дали задание рисовать с гипса флорентийского кондотьера. А после института пришлось заниматься прокопченными кирпичами и подгнившими бревнами. Впрочем, кто сказал, что удел реставратора только кирпичи и бревна? Реставратор прежде всего исследователь, историк, и в какой-то мере сочинитель. Да, это так. Сумей вообразить прошлую жизнь, которая наполняла то, что зовется теперь памятником архитектуры, услышать живые голоса предков, сумей представить их заботы и радости. Ведь и реставратор, что ни говори, все-таки продолжает ту далекую от нас жизнь.

Земфира! Как тут не вспомнить пушкинскую цыганку: “Режь меня, жги меня!”...А наша Земфира на пушкинскую совсем не похожа – светленькая и улыбчивая. А вот в деле – сама настойчивость и упорство. Когда ей пришлось восстанавливать дом уфимского вице-губернатора Зубова, где провел детские годы С.Т.Аксаков и где теперь мемориальный музей писателя, она решила: расшибусь, а сделаю без халтуры. Так и вышло. По ее настоянию был изготовлен специальный паркет. Московские кузнецы выполнили по ее рисунку ограду. В Москве же были воссозданы для аксаковского дома печные изразцы. Чего, например, стоило отстоять колер здания, – на языке специалистов – “растяжку умбры”. Были споры. На сторону молодого уфимского реставратора встали авторитетные знатоки старинного интерьера, ученые из Москвы, которые высоко оценили знания и профессиональное чутье Земфиры. И еще ей удалось сохранить старое, засыхающее дерево перед входом в музей, которое сначала порывались срубить. Подлечила – и

Мечеть в деревне Максимовка

Автор проекта реставрации З.Хатмуллина

ничего, дерево, помнившее маленького Аксакова, продолжает жить...

Аксаковское дерево – лишь яркий штрих к портрету Земфиры Хатмуллиной. Настоящее масштабное ее дело – возрождение родового гнезда Сергея Тимофеевича, который как никто другой в литературе воспел семью, “где впервые и на всю жизнь согревается человеческое существо”. И эти слова Аксакова тоже сыграли роль в работе реставратора.

Поначалу, разрабатывая чертежи, Земфира сомневалась: его ли, мальчика Сережи Аксакова, комната – такая крохотулечка? Но Елена Николаевна Лаврова, опытный московский архитектор-реставратор, знаток и специалист по интерьерам, рассеяла ее сомнения: детские комнаты в старинных дворянских домах действительно были маленькими. Как правило, это был уютный закуток, но и в нем хватало места для ребенка. Его душе было просторно от постоянного общения со взрослыми. Недаром дружную семью и дружные

отношения называют тесными и недаром Земфира так внимательно вчитывалась в “Семейную хронику” Аксакова, где с необыкновенным проникновением и точностью передана семейная психология нескольких поколений.

Как-то Земфира отдыхала в Красноуловском санатории, и там стала свидетелем такой сценки: старушки молились в лесу трем срубленным березам. Оказалось, тут стояла раньше церковь, но ее разрушили. А верующие продолжали приходить к приметным березовым пням и ставили там свечи. Возник-

шее тогда ощущение единения человека с природой, а через то с Богом, осталось у Земфиры Хатмуллиной на всю жизнь. Теперь на этом месте по ее проекту поставлена небольшая часовенка с трогательным куполком-луковкой под крестом.

Как это нередко бывает у реставраторов, Земфира вела сразу два объекта – обустроивала Дом-музей С.Т.Аксакова и восстанавливала родовую церковь Аксаковых в селе Надеждино близ Белебея. Церковь была построена в 1720 году Надеждой Ивановной

**Дом-музей С.Т.Аксакова
после реставрации, 1991 год**

**Автор проекта
в окружении строителей-реставраторов**

**Село Наheжино вновь украсилось
Дмитриевским храмом. Наглядный пример
искусства реставраторов!**

Аксаковой, теткой Сергея Тимофеевича. Разрушили храм уже в советское время. Местные старожилы рассказывали, как веселилась тогдашняя молодежь, растаскивая с помощью трактора прочную каменную кладку. Одумались с годами люди. Кое-кто из них теперь уже помогал Земфире делать обмеры, а кто помоложе обвязывал себя веревками и, как альпинист, карабкался по руинам. Ужас наводили они до недавнего времени – словно здесь прошла война. Но зато как теперь теплеет душа и радуется сердце при виде поднятых крестов и свежепобеленных стен!

После церкви в Наheждине Земфира разработала проект Богородской надкладезной часовни в отдаленном от центра новом районе Уфы. Там, где еще вчера были те же унылые руины, пленяет взор живописная игра кокошников, блеск главок и крестов, спокойная, умиротворяющая гладь кирпичных стен... Рассказывают, что когда-то в лесу близ села Богородского чудесным образом была обретена икона Божией Матери. На этом месте забил холодный ключ, вода из которого обладала целительной силой. Здесь был устроен сруб, вокруг поднялась ограда. Позднее над источником соорудили надкладезную часовню, сначала деревянную, потом каменную. Многие верующие шли сюда на поклонение, часто устраивались к нему крестные ходы. Но пробил горький час, и часовню снесли. А позже и сам чудодейственный родник оказался под толщей бетона и песка. Трудами верующих исток родника был очищен, и Земфира смело поставила над ним надкладезную часовню.

Для Земфиры (ее дела говорят сами за себя) храм Божий един, как един и сам Бог. Твердая ее рука, водя карандашом по бумаге, воскрешает и разрушенные мечети! Ведь подобно крестам летели вниз с куполов и мусульманские полумесяцы, подобно колокольным рассыпались в прах на родине Земфиры минареты над закрытыми мечетями.

Мусульманские храмы – неотъемлемая деталь всякого восточного города. Без них нет колорита, не чувствуется связи настоящего с прошлым. Силуэты таких центров как Уфа или соседний Оренбург немислимы без могучих высоких минаретов. Не случайно в мастерской известного уфимского живописца Бориса Домашникова родилась целая серия городских пейзажей, которую назвали “Романсом о минаретах”. Наверное, это название подошло бы и к серии проектных чертежей, созданных Земфирой Хатмуллиной. Ведь она автор проекта реставрации самых высоких в Уфе минаретов Хакимовской мечети, которые были разрушены в первые десятилетия Советской власти.

В деревне Максимовка при участии Земфиры восстановлена, а практически заново построена еще одна мечеть – по просьбе жителей, вернувшихся на свою историческую родину из Самарканда, куда их заставили выехать в годы массовых репрессий. Архитектура этого небольшого мусульманского храма-часовни чем-то сродни восстановленной Земфирой в наheждинской церкви – в этих столь разных постройках живет отзывчивая душа реставратора.